

Скамейка

Чайковского

Небо отражалось в воде, голубое, глубокое. Деревья стояли прямые, ни единая ветка не шелохнулась. Безветренный, знойный полдень. По прибрежной дороге в легкой спортивной одежде шли двое. Юноша, загорелый, высокий, черноволосый, и девушка в белых без каблуков туфельках, отчего она казалась ниже ростом, голубоглазая блондинка. Они направлялись к скамейке Чайковского. Для жителей курортного городка Хаапсалу это совершенно определенное понятие — скамейка Чайковского...

Юноша приехал в Хаапсалу отдыхать, приехал издалека, из Сибири. В дни войны он бывал здесь. Правда, недолго. Вместе с полком, воспитанником которого «состоял» Олег Макаров.

Олегу 21 год. Он техник-строитель и мечтает поехать в Иркутск, чтобы продолжать учебу дальше. А пока, пока он отдыхает в тихом курортном городке, история которого не столь уж богата различными рода событиями. Правда, старожилы вспоминают, как когда-то сюда на станцию прибывал царский поезд и жандармы «очищали» от жителей все прилегающие к вокзалу улицы. Царь проезжал по опустевшему городу, и только «организованные» депутаты верно-подданно поздравляли его с благополучным прибытием.

От местных жителей Олег узнал много интересного о пребывании великого русского композитора Чайковского в Хаапсалу. И эти рассказы были особенно теплые, душевные. Еще бы! Ведь в шестой симфонии Чайковского звучит старинная эстонская песня «Дорогая Мария». Эстонская тема оказалась близкой, дорогой сердцу гениального русского музыканта. Недолго пробыл он в Хаапсалу, но навсегда увековечил этот город в истории мировой культуры. И пусть немного легендарными кажутся рассказы о том, как композитор в предзакатный час слушал эстонских девушек, возвращавшихся с работы и певших «Дорогую Марию». Может быть, не они, а кто другой вдохновил Чайковского, но важно, что эстонская тема полюбилась ему...

И эстонский скульптор Роман Мадисович Хаавамяэ создал одно из своих лучших творений — скамейку Чайковского.

Седой, удивительно подвижный, с го-

лубовато-выцветшими глазами и острым характерным лицом, Роман Мадисович посвятил всю свою жизнь украшению родного Хаапсалу.

И редко в какой день около скамейки Чайковского отдыхающие не встретят Романа Мадисовича. Он с увлечением рассказывает Олегу о своем любимом композиторе, о том, почему именно так он задумал увековечить память Чайковского:

— Он здесь сидел на маленькой деревянной скамейке. Много лет прошло с той поры. Скамейка давно сгнила, но место ведь осталось. И мы создали скамейку из белого мрамора с барельефом композитора и с нотами из шестой симфонии...

Олег и его спутница внимательно слушают пожилого скульптора. И девушка кладет принесенный букет цветов на скамейку.

— Чайковский тоже любил цветы.

— А цветы нельзя не любить, — говорит девушка.

Они прощаются со скульптором и уходят. И в городе они «встречают» новые творения Романа Мадисовича — памятник доктору К. А. Хунниусу. Памятник из сааремааского мрамора и бронзы. Если бы они оказались более любопытными и спросили скульптора о том, почему именно этому доктору он создал такой красивый памятник, то услышали бы рассказ о Хунниусе...

Однажды, проходя вдоль залива, доктор увидел, как рыбаки свешивали ноги за борт лодок. Они окунали ноги в

грязь, а многие женщины ведрами черпали грязь со дна моря.

— Для чего это вы делаете? — спросил доктор. — Зачем вам эта едкая грязь?

— Чтобы красивее лица были. Да старые люди говорят, что и от ревматизма помогает.

И Хунниус заинтересовался целебными свойствами хаапсалуской грязи.

Может быть, в интерпретации Романа Мадисовича вся история с открытием хаапсалуской грязи приняла слишком поэтический характер. Но это же право художника. И, задумав свой образ Хунниуса, скульптор представил его именно таким: пытливым, живым, любознательным человеком.

Но, рассказывая о скульпторе, мы на время забыли о наших двух молодых людях, забыли про Олега и про его спутницу. Мы даже не знаем ее имени. Олег не произнес его вслух, и она тоже. Они познакомились здесь, на хаапсалуском курорте. И хотя, как это можно понять из разговора, она уроженка Сааремаа, а он техник-строитель одного из совхозов за Каменным Поясом, за древним Уралом, но расстояние для них не помеха. Олегу сегодня вечером уезжать. И они условились писать, писать часто.

— Ты будешь ежедневно писать? — спрашивает девушка, движением головы откидывая назад непокорные белокурые локоны.

Они неторопливо идут в сторону вокзала. И вновь им встречается Роман Мадисович. Он закончил прогулку и направляется в свою мастерскую, где, несмотря на преклонный возраст, вновь «окунется» в работу. Проходящие почти-точно с ним здороваются. Его знают все в этом залитом солнцем, наполненном ароматным запахом цветов и деревьев, городе.

М. КУРГАНОВ.

Хаапсалу.